

Настоящий «альтист Данилов» любит пиво из бочки

Изгибы чувств альты — это его, Башмета, изгибы чувств. Стоит Башмету взять в руки скрипку — альт замыкается в себе. «Ну да, минут двадцать не звучит».

Башмет давно уже подозревает, что «это не просто физические процессы». Альт — существо живое.

«Будто себя он ощутил в первом движении альты по страницам партитуры, свои мучения и свои надежды, свою любовь и свои долги...»

Альт — инструмент, известный населению по музыкальным справочникам. Или по «Альтисту Данилову» — роману, модному в начале восьмидесятых.

А Юрий Башмет — король альты.

...Король многие годы скитался без квартиры. И все равно дом его был и есть — здесь. Зовут теперь по всему свету, а он все равно возвращается. Даже когда во Франции всем составом остался его камерный оркестр «Солисты Москвы» — Башмет набрал из студентов консерватории новый оркестр...

«Самое длинное в жизни» интервью Юрий Башмет дал прямо за рулем своего любимого «Мерседеса». Другого времени не было: назавтра альтиста ждали в Лондоне, там предстоял совместный с Мстиславом Ростроповичем и Гидоном Кремером концерт.

«На троих», кстати, они играют не впервые. Альфред Шнитке специально написал «Концерт на троих», зашифровав фамилии солистов — Башмета, Ростроповича, Кремера — в виде мелодического кода, по буквам.

Между тем ради Шнитке все трое пошли на жертвы. Башмет отменил два концерта в Норвегии. Несмотря на большой гонорар, Кремер отказался от концертов в Японии. Ростропович перенес оперу в Амстердаме.

— А если бы Шнитке не был другом?

— Я могу сказать только о себе. Мы дружим со Шнитке, но не так, чтобы домами ездить друг к другу на чай. Я чувствую себя его единомышленником. И он сказал обо мне очень лестную вещь: Башмет — тот редкий артист, которому мне не нужно ничего объяснять. Если бы я был рожден композитором, то писал бы только как Шнитке. Кремер «влюбил» меня в музыку Шнитке. Я участвовал в премьеры фортепианного квинтета, а через 9 лет по моей просьбе Альфред написал для меня 1-й альтовый концерт. Ростропович был от него в восторге, попросил Шнитке написать концерт для него.

— Говорят, после заключительного концерта на фестивале Шнитке все отправились на фуршет, а вот Ростропович поехал в церковь, где отпевали погибшего журналиста Дмитрия Холодова...

— Я заехал домой, а потом в «Славянскую», чтобы встретиться с Ростроповичем и Кремером. Я вообще не знал о панихиде. Если бы не Слава и Гидон — и в «Славянской» вряд ли появился бы. Лучше в домашней обстановке с понимающими людьми посидеть за столом с выпивкой и поговорить о творчестве. Быт меня угнетает (хотя не могу сказать, что сильно замучен им). Я не стремлюсь к официальным тусовкам. Там ты обязан общаться, а я как раз люблю закрыться, а не открыться.

— А всегда удаей оставаться самим собой?

— Я пытаюсь. Но что из этого получается, судить не мне... Вот Ростропович поехал в церковь на панихиду. Это нормально. Он был у «Белого дома», он в свое время прятал у себя на даче Солженицына. Он всегда боролся за права человека. Не случайно именно он знал об отпевании вашего коллеги.

— А вы сторонитесь политики?

— Я не боюсь встреч на эту тему. Просто считаю, что политика — это серьезная профессия, и ей нужно отдаваться целиком. Хотя я был бы не против, если б Ростропович был у нас президентом. Прекрасный, яркий ум, знает не только музыку, но и жизнь.

— Говорят, когда Ростропович вынужден был уехать из Советского Союза, он обнял вас со словами: «можно спокойно покидать Родину, пока в стране есть такие музыканты»?

— Не совсем так. Он поцеловал меня в затылок и сказал: вот, старик, уезжаю, а дело мое живет. И показал на девушку-скрипачку, которая потом стала моей женой. И добавил, что, мол, вкусы у нас с тобой одинаковые... Мы не виделись лет двенадцать. Но он всегда помнил мальчика, игравшего в его оркестре.

— Правда, что вы играете на альте, купленном еще в студенческие годы?

— Я на нем всю жизнь играю. Это не Страдивари, не Гварнери, которые стоят миллионы. Но очень мне подходит, а я, видимо, ему.

Я был студентом консерватории. Однажды мне приснилось, что играю на очень хорошем инструменте. Проснувшись, спустился вниз в общежитие, а мне записка от моего учителя профессора Борисовского с просьбой позвонить. Звоню. Он мне в ответ: приезжай, твой «итальяшка» ждет тебя, я считаю, что его надо купить. Сумма по нынешним

Юрий Башмет неразлучен со своим альтом.

временам смешная: полторы тысячи рублей. Я тогда год собирал деньги.

— Что это за инструмент?

— 1758 года рождения. Мастер, сделавший его много лет назад, вложил душу, талант. Музыка — очень старый вид искусства, может быть, самый замечательный. Это живая клетка времени, пространства. И она, конечно же, будет лучше звучать на инструменте своего возраста... Это другой мир жизни.

— В Японии вышел роман Владимира Орлова «Альтист Данилов» с вашей фотографией...

— Это не фотография, а такой тисненый портрет на обложке. Я и сам не знал об этом. Пригласил Орлова в свою телепередачу «Вокзал мечты». Разговор шел как раз об альте. А в конце он сказал: вот сюрприз хочу сделать. И вручил японское издание «Альтиста...». Оказалось, японцы при переиздании книги обратились к нему с просьбой: можно ли на обложке сделать портрет Башмета, его знают. Орлов не возражал.

— Значит, слухи о том, что именно вы были прототипом этого демонического героя романа, не случайны?

— К сожалению, прототипом стал другой человек, альтист Большого театра по фамилии Грот. Мне очень близка эта попытка писателя разгадать творческое таинство. Я нахожу что-то родственное. В

какой-то степени я тоже прототип, но настаивать на этом не имею никакого права. Хотя все равно считают, что альтист Данилов — это Башмет...

— На одной пресс-конференции вы появились «в обнимку» со своим спонсором — банкиром. Неужели вам тоже не хватает на жизнь?

— Мне нужно столько денег, сколько нужно. Если больше, значит, больше. Я не буду прикидываться, найду им применение. Конечно, денег хватает, чтобы прокормить мою большую семью. Если вдруг не окажется белой рубашки или фрак потерялся, я могу тут же сходить в дорогой магазин и купить.

— Не слишком приличный вопрос: сколько стоит на Западе ваш концерт?

— Мне хватит на жизнь. У меня бывают фантастические идеи. Например, построить зал со студией у себя на дачном участке, проводить там фестивали. Николина гора — место исторически шикарное. Здесь бывал Горький, Курасава, Коппола, Милош Форман... Но у меня нет таких денег.

— Вы не играли на банкетных, кремлевских приемах?

— Ни на приемах, ни на днях рождения генсеков. Лишь однажды в Кремлевском дворце на сборном праздничном концерте. Но очень многие коллеги играли под стук посуды.

— Хорошие музыканты?

— А я после этого не могу

сказать, что они хорошие. Потому и имен называть не буду. Играют-играют, а потом подходит телохранитель и щелкает пальцем: тихо, тост. Это очень унижительная ситуация.

— А играть на Западе для буржуа и для нашего двора — не одно и то же?

— Нет, конечно. Вы думаете, что на концерты должны ходить только бедные? В Германии классическая музыка возведена в шлагер. Там таксист может тебе напеть мелодии Брамса. У нас же дети узнают мелодию «Лебединого озера» по рекламе. Там, между прочим, знают, что альт — это инструмент со струнами. А здесь меня как-то спросили: скажите, альт — это саксофон?

— А что вы испытывали, узнав, что ваш ансамбль «Солисты Москвы» остается во Франции?

— Довольно гадкое чувство. Все можно объяснить. И желание уехать тоже. Плохая жизнь, неважно платят. Все понятно. Если не учитывать чувства любви к самому себе. Именно это, по-моему, и означает слово «родина», которое нынче произносят со стыдом. Родина — это сам человек. Не любить себя в прошлом — это неестественно.

В случае с «Солистами Москвы» было предательство. Они мне не смотрели в глаза. Я мог, конечно, найти компромисс, при котором мы бы не расстались. Но с людьми, предавшими тебя, откровенничать на сцене невозможно. Музыка без этого мертвая.

Контракт на пять лет был подписан только для них. Они сразу получили квартиры, все условия для жизни и работы. А потом, видимо, им захотелось получить больше — французские паспорта. Был еще один француз, решивший стать директором моего оркестра. Он нашел общий язык с моими «диссидентами»...

Я их после конкурсов из разных городов собирал. Что же это, как не предательство?

— А у вас не было желания покинуть страну?

— Иногда подобные мысли проскальзывали. Семь лет я скитался без квартиры. Мы с женой не имели постоянной московской прописки. Куда я только не стучал головой. Даже к Хренникову в Союз композиторов попал. У него было хорошее настроение, угостил кофе. И я оказался в очереди на кооперативную квартиру.

— Музыкант — обязательно одинокий человек?

— Безусловно. Он одинокий, и в то же время у него в руках весь духовный мир, что ли. Если не затягивает быт, что-то не отвлекает. Вот наша с вами беседа тоже действует на меня отрицательно. Я вынужден давать какие-то фор-

мулировки. А это словно поставить точку. После нее уже пустота.

Тяжело быть открытым всегда к творчеству, если ты живешь нормальной жизнью. Если быть откровенным до конца, то, как это ни жестоко звучит для семьи, например, в этом выборе должна побеждать музыка.

— Жена вас понимает?

— Да, она скрипачка, оставила сцену ради детей и меня.

— Ваша дочь Ксения пианистка, выступает вместе с вами...

— Если бы она играла непрофессионально, я бы не позволил ей выйти на сцену. Она носит мою фамилию и понимает, что к ней будут относиться не просто как к молодому исполнителю. Когда она поступала в музыкальную школу, я ночь не спал. Думал: звонить или нет. Не позвонил. Пришел к школе и, стоя у открытой форточки (лето было), слушал.

— А с чем были связаны ваши концерты во французском городке Коньяк?

— Обычный сольный концерт. Единственное, что нас там удивило: на фуршете после концерта был какой-то коктейль, а не коньяк.

— А вы что предпочитаете?

— Коньяк я не очень люблю. Лучше водку. Если дома, в России. А во Франции, Италии, конечно, хорошее вино. В Германии — пиво. И главное, чтобы из бочки — драйв. С чем-нибудь соленным — наслаждение. Естественно, после концерта.

— Вы чему-нибудь в жизни завидуете?

— Если кто-то играет лучше меня, если кто-то мудрее, владеет на сцене тем (я имею в виду творчество), чего у меня нет. Разве вы не замечали, что с возрастом мы становимся все хуже и хуже, а думаем, что лучше и лучше. Я очень ранимый человек, но, с другой стороны, это дает на сцене мощный выход творческому напряжению.

Я знаю, что многие люди думают, вот вынул свою скрипочку, поиграл там. Это не так. Начинают с 5—8 лет. Не детство — одно мучение. Потом экзамены, концерты... Знаете, какие это стрессы?! Этот контакт с энергией зала, никто не знает, полезно это или нет. И что это такое. Нервы совершенно расшатаны. Но не могу жалеть о том, что моей жизнью стала музыка...

«Данилов не знал вовсе, кто он. То ли демон, то ли человек, то ли неведомая зверушка, то ли вообще черт знает кто».

Альт жил в нем человеком...

Николай ЕФИМОВИЧ.